

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. МАСТЕР ШАХМАТ УВЭЙ

— Неужели ты и впрямь надеешься, что он честно расскажет, как вы целовались?!

Слова Юйчи Му прозвучали подобно грому среди ясного неба. Я замер, не в силах шевельнуться; в ушах всё ещё стоял гул, а перед глазами плясали искры. Гнетущий, вкрадчивый голос юноши эхом отдавался в сознании, вновь и вновь повторяя одну и ту же фразу:

— Неужели ты думаешь, что он расскажет, как вы целовались?!

— Как вы целовались?!

— Целовались?!

...

— Взаимно... целовались?! — я тупо уставился ему в глаза. Голова закружилась так, будто я стоял на палубе корабля во время шторма, хотя под ногами была твёрдая земля. Реальность происходящего казалась призрачной, едва ли не абсурдной. «Умоляю, — взмолился я про себя, — пусть кто-нибудь меня ударит, чтобы я снова провалился в беспамятство. Тогда я смогу сделать вид, будто ничего этого не слышал...» Я отчаянно пытался передать эту мольбу взглядом.

К несчастью, юный Юйчи Му совершенно не умел читать мои полные глубокого смысла «томные» взоры. Он лишь довольно рассмеялся, а затем внезапно приблизился к моему лицу. Он хищно оскалится, а в низком, вибрирующем голосе зазвучало невидимое искушение. Слова его, окутанные облаком пара в морозном воздухе, вонзились прямо в мозг:

— Именно... Ты, должно быть, забыл об этом, но неужели тебе не хочется узнать правду?

«Не хочется?.. Хм! Как бы не так! Да я от любопытства сейчас сдохну!» — мне хотелось немедленно возразить, ведь я действительно жаждал выяснить, до какой степени дошёл этот «взаимный поцелуй». Было ли это мимолётное прикосновение губ или нечто более... страстное и глубокое? Однако подсознание советовало не спешить с расспросами. Любой ответ лишь растревожил бы мои и без того смятенные чувства.

Стоило ли спрашивать? Сомнения, копившиеся во мне с самого начала, так и не нашли разрешения, а любопытство лишь росло день ото дня. И всё же разум вынес суровое предупреждение: «Молчи! Ни в коем случае не спрашивай!» Но, как известно, беда всегда приходит через язык, когда он обгоняет мозг. Я уже приготовился с важным видом заявить о своём равнодушии и душевном покое, присущем истинным отшельникам, как вдруг мой собственный голос звонко разнёсся в ледяном воздухе:

— Я... хочу... знать!

... Пропади оно всё пропадом! Я всё-таки это выпалил!

— Я помогу тебе вспомнить! — прошептал он, и в его голосе проскользнула пугающая интонация.

В следующее мгновение перед глазами всё поплыло. Лицо Юйчи Му, искажённое недоброй усмешкой, внезапно оказалось совсем рядом, заняв всё поле зрения, а затем он бесцеремонно лишил меня возможности дышать...

В голове воцарилась звенящая пустота. «Меня... меня насильно целуют?!»

— Ты... мх-х... жить надоело?! Кха!..

«Отпусти! А ну отпусти меня немедленно!» — собрав все силы, я попытался оттолкнуть его, чтобы наградить за дерзость парой крепких ударов, но стоило мне вскинуть руки, как он ловко перехватил мои запястья. Воспользовавшись моментом, когда я открыл рот, чтобы возмутиться, он нагло ворвался языком внутрь, заявляя о своём праве на это вторжение.

Ах ты, масочник-извращенец в зверином облике! Пойман с поличным!

Я задыхался от ярости и бессилия, впиваясь в него взглядом, способным убить на месте, в надежде, что в нём проснётся хоть капля совести. Стоит мне только вырваться, я тут же брошусь к Люй Цэчжи за защитой — уж он-то точно задаст этому мерзавцу хорошую трепку!

Однако... этот негодяй и не думал меня отпускать. Напротив, его поцелуй становился всё глубже, всё настойчивее, словно он... упивался этим?!

Как... как страшно! У меня уже язык разболелся от его напора! И не только язык — мои губы тоже стали жертвой его яростной ласки, горячей и болезненной. Запрокинув голову, я отчаянно пытался глотнуть свежего воздуха, но стоило мне приоткрыть рот, как он вновь перехватывал моё дыхание. Всё, я больше не могу! Я... я сейчас задохнусь!

Оказавшись на грани, я с тоской осознал, что мне суждено погибнуть в этом проклятом мире от удушья во время поцелуя! Позорная смерть, позорнее не придумаешь! Не хочу! Как же несправедливо! Даже если мне и суждено отправиться к праотцам таким образом, то провожать меня должен явно не этот двуличный тип, прикрывающийся маской благородства! Люй Цэчжи! Спаси меня...

— Инь!

Словно в ответ на мой безмолвный призыв, с небес раздался голос Люй Цэчжи, полный тревоги и заботы. Это вернуло мне крупицу сознания. В следующую секунду мощная рука рывком выдернула меня из когтей этого демона и прижала к широкой, тёплой груди. Знакомый запах, дарящий покой, мгновенно окутал меня. От радости я едва не расплакался и, подобно испуганной коале, вцепился в своё спасительное эвкалиптовое дерево — в Люй Цэчжи!

— Ты пришёл... Слава богу, ты пришёл!

Голос мой дрожал, я никак не мог восстановить дыхание, но в каждом слове звучало безграничное облегчение. Ещё чуть-чуть... и я бы пал жертвой «волчьего поцелуя» Юйчи Му, так и не увидев завтрашнего солнца! Постепенно успокаивая своё зашедшееся сердце, я вдруг почувствовал неладное. Вокруг воцарилась тишина... слишком уж зловещая.

Что происходит?

Я осторожно поднял голову и увидел, что Люй Цэчжи и Юйчи Му стоят друг против друга, точно два боевых петуха. Между ними, на расстоянии всего пары шагов, буквально искрил воздух от ледяной, неосязаемой жажды убийства.

— Брат Юйчи, извольте соблюдать приличия! — ледяным тоном произнёс Люй Цэчжи, не сводя глаз с детского лица противника, на котором всё ещё играла тень недавнего наслаждения. Он крепко сжал мою руку, передавая своё тепло и незримо успокаивая мою потрясённую душу.

— Ох, ну зачем же так сердиться? Инь сам сказал, что хочет вспомнить, что происходило, пока он болел. Я всего лишь помогал ему освежить память, — раздался хрипловатый голос Юйчи Му. Он беззаботно улыбался, выглядя при этом совершенно невинно, и демонстративно облизнул свои алые губы. Какая наглость!

«Помогал вспомнить?! Да чтоб тебя! Неужели я, будучи в бреду, целовался с Люй Цэчжи до обморока?! Бред какой-то! И с каких это пор он называет меня "Инь"?! Кто ему позволил?!»

Я гневно сверкнул глазами в его сторону, но, обернувшись к Цэчжи, заметил, что тот густо покраснел и выглядит весьма смущённым. Его взгляд, обычно холодный и бесстрастный, теперь выдавал неловкость. Неужели... неужели это правда?!

От этой догадки мне стало не по себе, но мысли о том, что Юйчи Му касался моих губ, вызывали у меня ещё большее отвращение. Если раньше его аура не казалась мне враждебной, то теперь я чувствовал, что рядом с ним моя жизнь находится в постоянной опасности. Он — самая настоящая ядовитая змея, к которой нельзя приближаться ни на шаг!

— Ты едва не лишил его чувств! — подавленный рык Цэчжи заставил меня покраснеть. Подумать только, моя жизнь чуть не оборвалась из-за поцелуя... Как же это унижительно!

— О, прошу прощения, я как-то не рассчитал, — отозвался Юйчи Му с самым невозмутимым видом. В его голосе не было и тени раскаяния, а в глазах промелькнула насмешка, адресованная мне.

— Цэчжи... забудь, — тихо произнёс я, отбрасывая фамилию и обращаясь к нему по имени. Нужно было прекратить этот разговор, пока он не наговорил ещё чего-нибудь, от чего я провалюсь сквозь землю. Хватит с меня позора. Заметив подошедших братьев Ши, я в поисках защиты ещё плотнее прижался к Люй Цэчжи. Скверно дело — они ведь стали свидетелями этой нелепой сцены! И какой я после этого мужчина, если позволяю так с собой обращаться? Могу только представить, как младший Ши будет подтрунивать надо мной всю оставшуюся дорогу. Моя репутация погибла безвозвратно, и всё по вине этого подлеца Юйчи Му!

Люй Цэчжи обернулся ко мне. Его потемневший взор прикипел к моим покрасневшим, припухшим губам. В его глазах закипала глухая ярость, и, чувствуя этот тяжёлый взгляд, я непроизвольно стёр тыльной стороной ладони след поцелуя Юйчи Му. Кажется, этот жест удовлетворил его — в глазах Цэчжи промелькнуло облегчение. Его большой палец осторожно коснулся моих губ, и он тихо спросил:

— Ты в порядке?

— Д-да! Теперь всё хорошо!

Обняв его за шею, я наконец-то позволил себе расслабиться. Силы окончательно покинули меня, и я буквально повис на нём.

— Цэчжи... я хотел спросить... — я набрался смелости, чтобы выяснить всё раз и навсегда, но в этот момент из небольшого дома неподалёку донёсся яростный крик:

— Ах ты, паршивец! Ты будешь доигрывать эту партию или нет?!

Громовой голос, полный старческой мощи, разнёсся на несколько ли, заставляя воздух вибрировать. Тот, кто кричал, обладал невероятно сильной внутренней энергией!

— Беда! — воскликнул младший Ши, обменявшись взглядом со старшим братом. Оба они выглядели крайне озадаченными. — Кажется, мы попали...

— Что случилось?..

Прежде чем я успел договорить, Люй Цэчжи подхватил меня на руки и направился к источнику шума, оставив позади довольно ухмыляющегося Юйчи Му. Мы вошли в небольшую бамбуковую обитель.

Домик был обставлен скромно. Через распахнутое окно виднелись тысячи ярко-зелёных

бамбуковых стволов, укутанных снегом. Эта картина была столь прекрасна, что у меня перехватило дыхание. Впрочем, через десять секунд я равнодушно отвёл глаза. Я никогда не был склонен к излишней сентиментальности или любованию пейзажами — любая красота занимала меня от силы на мгновение. К тому же, воспоминания о том, как меня чуть не похоронило под снегом, были слишком свежи. Зима с тех пор стала моим самым нелюбимым временем года.

Изысканная обитель «Наслаждение бамбуком» — так гласила вывеска над входом. Оказалось, что «Наслаждение бамбуком», о котором говорил Юйчи Му, было не изящным досугом, а просто названием жилища. Внутри пахло сандалом, чей аромат успокаивал и заставлял забыть о мирской суете. На низком столике стояла доска для игры в го. Белых камней было совсем немного, зато чёрные заполнили почти всё пространство — партия явно близилась к разгромному финалу. Нетрудно было догадаться, что Люй Цэчжи бросил игру на самом интересном месте, едва почувствовав мой запах, и бросился на помощь. От этой мысли на душе стало сладко, как от мёда.

Глядя на доску, я почувствовал лёгкий укол совести. Вспомнив, как хвастался своим мастерством перед Юйчи Му, я понял, что могу сесть в лужу. Терпеть не могу игры, требующие долгого и нудного обдумывания ходов. Го, шахматы — всё это было не по мне. Мой уровень «мастера» годился разве что для сражений с девятилетними сорванцами!

Но в такой торжественной обстановке любой мало-мальски воспитанный человек знает: молчание — золото. Даже если на душе кошки скребут, нужно сохранять невозмутимый вид. Это называется глубиной характера! А кто не может — тот невежда! Я всё-таки человек с высшим образованием, так что приготовился было изобразить из себя умудрённого опытом старца, как вдруг всё испортил старик, сидевший за столом.

— Что это за вонь?! За полверсты учуять можно! — он внезапно распахнул свои колючие глаза и уставился прямо на меня с таким негодованием, словно я был его кровным врагом.

— Учитель, это аромат орхидеи, исходящий от брата Шэ Иня, — с улыбкой пояснил Юйчи Му, присаживаясь рядом. Мотивы его были неясны.

— Хм! Взрослый мужчина, а пахнет как девка румяная. Ни то ни сё! Тьфу, смотреть противно! — он с нескрываемым презрением смерил меня взглядом. Какое неуважение!

— Но... я тут ни при чём! — обиженно пробурчал я. «Разве я виноват, что от меня исходит этот "тело-аромат"? У меня был выбор? У меня, между прочим, лихорадка! Естественно, запах орхидеи усилился. К чему цепляться к моим слабостям?! Я ничего плохого не сделал!»

Это была чистой воды несправедливость! Просто старик искал, на ком бы сорвать злость!

Я надулся, но промолчал. Из слов Юйчи Му я догадался, что этот старик и есть тот самый Мастер шахмат Увэй, к которому мы направлялись. Великий человек, злить которого — себе дороже!

На вид он не был злым: белоснежные волосы и борода придавали ему облик милосердного бодхисаттвы. В нём чувствовалось величие и отстранённость отшельника, который питается лишь росой и небесным светом. Но сейчас он сердито нахмурился, и весь его праведный гнев был направлен на меня. А в глазах читался упрёк в адрес Люй Цэчжи, который «променял долг на красоту».

Пока я гадал, когда же этот «вулкан» извергнется, Мастер Увэй оправдал мои ожидания и зарычал:

— Ах ты, негодник! Не доиграл партию и сбежал! Какая наглость! Стоило только учуять этот странный запах, как ты бросил всё и умчался. Нетерпеливый мальчишка! Что, испугался, что мой Му-эр его обидит? Зла на вас не хватает!

Яростный крик окончательно разрушил образ благообразного старца. Сейчас он больше походил на мстительного призрака, вырвавшегося из глубин преисподней. Непонятно было, на кого он злится больше — на шахматную доску или на самого Люй Цэчжи.

— Предшественник, прошу прощения, — почтительно поклонился Люй Цэчжи. Он усадил меня напротив старика и, взяв чёрный камень, сделал ход, окончательно разбивая жалкие остатки белых сил.

Лицо Мастера Увэй потемнело. Он замер с белым камнем в руке, не зная, куда его приткнуть. О моих «недостатках» он на мгновение забыл, лихорадочно пытаясь спасти положение, но всё было тщетно. Чем безнадежнее становилась ситуация, тем страшнее становилось выражение его лица.

Я решил, что буря миновала, и принялся наблюдать, как Ши Юй готовит чай. Но не тут-то было! Очередной рык едва не лишил меня чувств.

— Му-эр, погаси благовония! Запах этого юнца слишком странный, нечего портить аромат сандала. Негоже переводить ценные материалы! — едко заметил Мастер Увэй. Я так разозлился, что едва сдержался, чтобы не наговорить ему дерзостей. Но вовремя одумался: если я даже с его учеником не могу справиться, то против учителя у меня нет ни единого шанса. Ладно, потерплю.

— Слушаюсь, учитель, — Юйчи Му с сочувствием взглянул на меня и, покачав головой, затушил курильницу.

... Ну вот! Даже молча посидеть не дают! Я покраснел от негодования. Аромат орхидеи в холодном воздухе стал ещё гуще...

— Хм! Этот сопляк испортил мне всё настроение! Партия не считается, начнём заново! — старик одним широким жестом смахнул камни с доски, разрушая всю композицию. Подумать только! Этот великий мастер, воспользовавшись моим «странным запахом» как предлогом,

просто аннулировал свой проигрыш! Он быстро отобрал свои белые камни и с великодушным видом расставил их заново: — Что ж, предыдущая игра показала, что под моим руководством ты сделал большие успехи. В этой партии я, так и быть, дам тебе фору в три камня.

Он говорил с таким пафосом, будто император, дарующий помилование преступнику. И под «сопляком», который всё испортил, он явно имел в виду меня! Невероятно! Разве так ведут себя легендарные герои? Это же самое настоящее жульничество! Я лишился дара речи, не в силах поверить, что прославленный Мастер Увэй может так мелко пакостить. Как его вообще ученики терпят?!

Но ответ Люй Цэчжи поверг меня в ещё больший шок:

— Благодарю за снисходительность, предшественник!

«Снисходительность?! Да кто тут кому поддаётся?!» — я окончательно запутался. Когда это Люй Цэчжи научился так бессовестно лгать?

Завершив этот фарс, Люй Цэчжи повернулся ко мне. В его взгляде, больше не холодном, светилась нескрываемая нежность, отчего моё сердце радостно затрепетало.

— Если устал, отдохни, прислонившись ко мне.

— Хорошо!

Получив такое «разрешение», я тут же отбросил все лишние мысли. С превеликим удовольствием я прислонился к его плечу, совершенно игнорируя сложную, многозначительную усмешку Юйчи Му. Сейчас мне было всё равно. Я знал одно: в его глазах есть место только для меня. И как бы далеко ни зашли наши отношения, я чувствовал — он делает это искренне, без малейшего принуждения.

— Кха! Если хотите миловаться — катитесь отсюда! Моя обитель не место для тех, кто не смыслит в шахматах! — старик в ярости допил свой чай. Ши Юй тут же подлил ему ещё, но в ответ получил лишь недовольное хмыканье.

— Предшественник, прошу прощения, — почтительно отозвался Люй Цэчжи. Придерживая меня одной рукой, он второй взял три чёрных камня и выставил их на доску. Новая партия началась.

Что ж... пока есть шахматы, мир в безопасности!